
СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ SOCIAL PSYCHOLOGY

Нормы и их нарушение: классические и современные исследования

Бовина И.Б.

*Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ),
г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9497-6199>, e-mail: innabovina@yandex.ru*

Бовин Б.Г.

*Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний России
(ФКУ НИИ ФСИН России), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9255-7372>, e-mail: bovinbg@yandex.ru*

В фокусе нашего внимания в настоящей работе находится анализ классических и современных социально-психологических исследований по проблеме норм и их нарушения. Актуальность изучения этой проблематики объясняется, в первую очередь, тем, что ситуация взаимодействия в Интернет-пространстве (именно такое взаимодействие доминирует в нашей повседневной жизни на самых разных уровнях, преимущественно в подростково-молодежной среде) характеризуется в значительной степени неопределенностью. Попытка понять то, как люди реагируют на эту неопределенность, вырабатывая общую систему отсчета для интерпретации того, что допустимо и ожидаемо, а что таковым не является, направляет наше внимание на классические исследования М. Шерифа по формированию групповых норм. С другой стороны, вниманию читателя предлагается обсуждение классической и современной трактовки нарушения норм. Особое внимание уделяется альтернативной исследовательской линии нарушения групповых норм.

Ключевые слова: нормы, нарушение норм, отвержение, взаимодействие, девиант, социальная идентичность.

Для цитаты: Бовина И.Б., Бовин Б.Г. Нормы и их нарушение: классические и современные исследования [Электронный ресурс] // Современная зарубежная психология. 2021. Том 10. № 3. С. 21—31. DOI: <https://doi.org/10.17759/jmfp.2021100302>

Norms and their violation: Literature review

Inna B. Bovina

*Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9497-6199>, e-mail: innabovina@yandex.ru*

Boris G. Bovin

*Research Institute of the Federal Penitentiary Service of the Russian Federation, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9255-7372>, e-mail: bovinbg@yandex.ru*

The aim of the article is to analyse classical and modern social psychological studies of norms and their violation. The relevance of this analysis is justified by the fact that the situation of interaction in the Internet space (it is the dominant form of our daily life at various levels, mainly among the young people) is characterized to a large extent by uncertainty. An attempt to understand how people react to this uncertainty, developing a common frame of reference for interpreting what is acceptable and expected, and what is not, directs our attention towards Sherif's classical studies on group norms formation. On the other hand, the discussion on the classical and modern research lines of norms violation is proposed. The special attention is paid to the alternative research line of group norms violation. The perspective for further research of norms and their violation are outlined.

Keywords: norms, norms violation, rejection, interaction, deviant, social identity.

For citation: Bovina I.B., Bovin B.G. Norms and their violation: Literature review. *Sovremennaya zarubezhnaya psikhologiya = Journal of Modern Foreign Psychology*, 2021. Vol. 10, no. 3, pp. 21—31. DOI: <https://doi.org/10.17759/jmfp.2021100302> (In Russ.).

Введение

Цель настоящей работы заключается в анализе классических и современных социально-психологических исследований по проблеме норм и их нарушения. Необходимость рефлексии такого рода оправдывается не только тем, что классические работы М. Шерифа (M. Sherif) по формированию норм [31; 32] и исследования реакции на девиантное поведение в группе С. Шехтера (S. Schachter) [30] едва ли оказывались в фокусе перво-степенного внимания отечественных авторов [например: 1], но преимущественно тем, что ответ на вопрос о специфике регуляции взаимодействия, о том, что такое хорошо, и что такое плохо в этом процессе, едва ли может быть получен путем анализа индивидуальных особенностей участников этого взаимодействия [36]. Кроме того, обращение к проблеме норм и их нарушения продолжает линию, начатую в прежних теоретико-аналитических исследованиях, посвященных изучению соотношения поведения в сети Интернет и в реальной ситуации [3; 4]. По сути, ситуация взаимодействия в интернет-пространстве характеризуется значительной неопределенностью; чтобы понять, как вырабатывается общая рамка для интерпретации того, что допустимо и ожидаемо, а что таковым не является, обратимся к рассмотрению классических исследований М. Шерифа (M. Sherif) [31; 32]. Сказанное выше определяет актуальность предлагаемого здесь вниманию читателя теоретико-аналитического исследования.

Нормы: эвристический потенциал классических исследований М. Шерифа

Нормы представляют собой один из важнейших механизмов регуляции социального взаимодействия. Человек, будучи социальным животным, проводит преимущественную часть своей жизни, взаимодействуя с другими [36]. Именно благодаря нормам взаимодействие может быть эффективным. Нормы оказывают своего рода клей, который позволяет удерживать людей вместе, скоординировать совместные действия, приспособиться к ситуации, выжить в которой иным образом не представляется возможным [15]. Очень яркую иллюстрацию сказанному выше находим в работе историка С. Ярова «Блокадная этика» [6, с. 596—597]: «Тот, кто ничего не давал взамен, рисковал погибнуть — с ним никто бы не стал делиться в трудную минуту. Тот, кто выказывал грубость, кто откровенно презирал и унижал других, не смел надеяться, что ему пойдут навстречу... А если в одиночку блокадник не мог выжить, то он должен был соблюдать кодекс поведения, принятый в обществе».

Следование нормам связано с получением одобрения или избеганием наказания, ибо те, кто нарушает

нормы, подвергается оному (будь то в форме порицания или избегания).

Полезность норм, как отмечают М. Брауэр (M. Brauer) и Н. Шоран (N. Chaurand) [8], — двоякая: с одной стороны, они направляют поведение в неопределенной, неоднозначной, ситуации, с другой — делают поведение других участников взаимодействия более предсказуемым и понятным. Предсказуемость поведения, однако, оказывается достаточно относительной и зависит от контекста, определяется действием целого ряда факторов [8].

Развитие современной социальной психологии связано с интересом к изучению социальных сил, ведущих человека к подчинению, будь то нормы, социальные роли и властные фигуры [16]. В социальной психологии экспериментальные исследования процесса формирования норм были реализованы М. Шерифом (M. Sherif) [31; 32]. Насколько позволяет судить анализ литературы, после появления работ Шерифа (M. Sherif), были предприняты многочисленные исследования по формированию и изменению норм, конформности в рамках экспериментальной парадигмы, использующей автокинетический эффект [31]. В начале 50-х гг. интерес к процессу культурной передачи в лабораторных условиях заметно упал, однако ценность идей М. Шерифа (M. Sherif) для социальной психологии вовсе не уменьшилась, ибо нормативное функционирование человека является ключевой составляющей жизни в обществе. Валидизация идей Шерифа (M. Sherif) была продемонстрирована в других теоретических рамках, о чем пойдет речь далее.

Итак, М. Шериф (M. Sherif) исходил из широкого понимания норм, считая, что нормы являются собой правила, традиции, ценности, которые стандартизируются в результате взаимодействия индивидов [32]. Каждый из этих конструктов, с точки зрения М. Шерифа (M. Sherif), можно проинтерпретировать как систему отсчета (другими словами — нормы). Социокультурные факты (нормы) не могут быть сведены к психологическим фактам и не могут быть из них полностью выведены [29].

В современном научном знании то, что для М. Шерифа (M. Sherif) было взаимозаменяемыми конструктами, рассматривается как различающиеся понятия [7]. Именно это можно наблюдать в случае социо-когнитивного подхода Н. Дюбуа (N. Dubois), которая отмечает, что в нормативности суждения или поведения имплицитно предполагается, что эти суждения или поведение желательны, рекомендуются, ожидаются, являются подходящим [13]. Этот смысл отсутствует в случае правил, в выражении «принять правило» ключевыми являются оба слова [13].

Мы воспользуемся здесь определением, в отношении которого существует своего рода консенсус, ибо оно зачастую цитируется исследователями: «... правила или стандарты, которые понятны членам группы и

которые направляют и/или ограничивают поведение без силы законов» [9, p.152]. Анализируя это определение, заметим, что эти принципы разделяются членами группы (очевидно, что без этой особенности нормы потеряют всякий смысл), могут быть имплицитными и эксплицитными, ключевым же в этом определении, с нашей точки зрения, является их связь с поведением без помощи действия законов, т. е. исполнение норм регулируется самими членами группы, а не представителями закона. Очевидно, что нормы оказывают влияние на восприятие той или иной ситуации, на суждения, которые делает индивид, на его аффективную сферу, а также на поведение (его действия или бездействие).

Анализ литературы дает основание различать нормы дескриптивные (здесь речь идет о том, какие действия предпринимаются чаще всего другими людьми в сходных ситуациях) и предписывающие (сюда попадают те нормы, которые предписывают или запрещают то или иное поведение, этот тип норм имеет коннотацию с моральными ценностями) [8; 9]. Как отмечает М. Брауэр (M. Brauer) [8], одно и то же поведение может быть нормативным с точки зрения предписывающих норм, но не быть таковым — с точки зрения дескриптивных норм (пример тому — донорство). Верным является и обратное: действие, нормативное, с точки зрения дескриптивных норм, может при этом не являться таковым с точки зрения предписывающих норм (использование автотранспорта на короткие дистанции — этот пример, который дают западные авторы [8], едва ли отражает предписывающую норму в отечественном контексте, что только лишний раз демонстрирует социокультурный контекст действия норм и указывает на важность его анализа).

Определение предписывающих и дескриптивных норм скорее соответствует нормам, действующим в более широком социальном контексте, тому, что обозначается социальными нормами. Переопределяя их на уровне групповых, заметим, что дескриптивные нормы — это прототипы ин- и аут-группы, а предписывающие нормы выступают регуляторами поведения в группе, связанного с валидизацией позитивной социальной идентичности [11].

Итак, классические экспериментальные исследования норм восходят к работам М. Шерифа (M. Sherif) [31; 32], в которых в фокусе внимания оказался процесс формирования норм. М. Шериф (M. Sherif) попытался ответить на три вопроса: 1) будет ли человек, оказавшись в ситуации неопределенности, выносить свои суждения случайным образом, надеясь, что в какой-то момент его ответ будет верным, или он будет выработать систематическую стратегию для вынесения суждения; 2) оказавшись в идентичных с другими условиях (неопределенность, отсутствие оснований, к которым можно было бы обратиться для формирования оценки), будут ли респонденты давать ответы случайным образом, или они попытаются выстроить некоторую общую систему отсчета для того, чтобы вынести суждение; 3) будет ли такая система отсчета,

оказавшись выработанной, использоваться после смены состава группы или после того, как человек покинет саму ситуацию [7; 31]?

Апеллируя к идеям Э. Дюркгейма о коллективных представлениях и к идеям Чикагской школы о функционировании малых групп, М. Шериф (M. Sherif) подчеркивает, что нормы являются своего рода стандартами для ориентации в мире [27; 31; 32]. В ситуации неопределенности (сталкиваясь с объективно нестабильной, неструктурированной, неоднозначной ситуацией, когда все основания для сравнения отсутствуют) люди не поддаются хаосу, а напротив — они придают смысл ситуации, структурируют ее, путем выработки общей нормы, в процессе взаимодействия происходит взаимное влияние [32]. Другими словами, Шериф (M. Sherif) попытался показать то, как культура, общество, социальная структура задают восприятие и понимание мира человеком [7]. Остановимся кратко на экспериментальной схеме, реализованной М. Шерифом (M. Sherif).

Испытуемые в возрасте от 19 до 30 лет (N=59 молодых людей, обучавшихся по ряду специальностей, за исключением психологии, и не знающих о существовании автокинетического эффекта) участвовали в индивидуальных (N=19 человек) или групповых сериях (N=40 человек, разделенные на 8 диад и 8 триад). Каждый респондент получал 100 предъявлений одного и того же стимула, время предъявления — 2 секунды, расстояние до источника света составляло 18 футов. Используемая экспериментатором инструкция гласила [31, p. 23]: «Когда в комнате станет совсем темно, я подам Вам сигнал ГОТОВНОСТИ, а затем предъявлю Вам световую точку. Через короткое время свет начнет двигаться. Как только Вы увидите, что он движется, то нажмите клавишу. Через несколько секунд свет исчезнет. Ответьте мне, на какое расстояние он переместился. Постарайтесь дать наиболее точную оценку».

М. Шериф (M. Sherif) предлагал респондентам оценить, насколько смещается световая точка в темной комнате (использовался автокинетический эффект, находясь в темной комнате респондент не знает, каково расстояние от него до источника света, объективно нестабильная ситуация, в которой все основания для сравнения отсутствуют [31]). Каждый респондент участвовал в трех сериях, реализованных в разные дни, чтобы нормы возникли и стабилизировались (каждая серия включала 100 предъявлений). По сути, автокинетический эффект является хорошим средством для того, чтобы изучать, как человек придает смысл стимулу в отсутствие какой-либо системы отсчета [7]. Д. Абрамс (D. Abrams) подчеркивает два важных преимущества этой экспериментальной парадигмы [7]: 1) в силу того, что стимуляция предъявляется в совершенно темной комнате, респонденты остаются анонимными друг для друга, влияние едва ли может быть нормативным, действие ряда факторов, среди которых — межличностное сходство, привлекательность, самопрезентация, доверие к источнику информации — просто исключается; 2) процедура способствовала

тому, чтобы испытуемые деиндивидуализировались, т. е. их поведение не регулировалось персональной идентичностью. Позволим себе заметить, что взаимодействие в интернет-пространстве характеризуется этими двумя особенностями. Отсюда очевидно, что попытки апеллировать к персональной идентичности для объяснения действий участников интернет-коммуникации оказываются под вопросом [3; 4].

Результаты продемонстрировали, что в индивидуальных сериях был зафиксирован большой разброс в оценках (значение медианы, вычисленной для каждого участника, варьировало от 0,36 до 9,62 дюймов), каждый индивид вырабатывал собственные нормы, оценки предыдущих серий использовались для последующих [31]. В групповых сериях М. Шериф (M. Sherif) использовал две процедуры: 1) индивидуальная серия с тремя последующими групповыми (И-Г1-Г2-Г3); 2) три групповые серии с последующей индивидуальной (соответственно — Г1-Г2-Г3-И). Респонденты постепенно достигли консенсуса относительно величины смещения [31]. Оказавшись в ситуации, где отсутствует какая-либо иная информация, чем позиции остальных членов группы (находящихся в идентичной ситуации), респонденты совместно определяли то, что является реальностью [7]. Таким образом, нормы вырабатываются для того, чтобы ориентироваться в ситуации. М. Шериф (M. Sherif), однако, продемонстрировал, что существует разница в результатах, полученных в групповых сериях двух типов [31]: когда индивид сталкивается с нестабильной, неопределенной, ситуацией сначала в групповом контексте (Г1-Г2-Г3-И), то вырабатываются групповые нормы, через призму которых он продолжает воспринимать ту же ситуацию, даже вне группы (последующая индивидуальная серия). Когда же индивид сначала попадает в нестабильную, неопределенную, ситуацию в индивидуальной серии (И-Г1-Г2-Г3), то он вырабатывает индивидуальные нормы. Последующие групповые серии ведут к тому, что его индивидуальные нормы конвергируются с групповыми по «принципу воронки» [31]. Сравнение значений медианы в случае первой процедуры групповой серии не давало различий (дивергенция была мала), в то время как в случае второй процедуры имелись различия [31]. Этот факт демонстрирует влияние группы на индивида в ситуации формирования норм, которые затем используются индивидом как некоторый стандарт для оценки сходной ситуации. При этом М. Шериф (M. Sherif) подчеркивает, что нормы вырабатываются совместно, они не являются ни усреднением индивидуальных оценок, ни продуктом влияния лидера [27; 31]. Таким образом, группа, сталкиваясь с необходимостью вынесения суждения относительно неоднозначной стимуляции (автокинетический эффект), вырабатывает нормы. Эта система отсчета интериоризируется индивидом и действует даже тогда, когда группа более не окружает его [27].

Нормы сохранялись в «нескольких поколениях», даже вне физического присутствия «авторов» норм,

т. е. когда, например, конфедераты покидали группу, а ее состав постепенно заменялся другими участниками [27]. Экспериментальные факты, полученные Дж. Рохером (J. Rohrer) с коллегами на выборке военных, еще раз говорят в пользу того, что нормы, эти социальные продукты, будучи выработанными однажды, сохранялись у респондентов продолжительное время (год спустя) [27].

Позднее, в так называемом *Robbers Cave study*, М. Шериф (M. Sherif) продемонстрировал адаптивный характер норм. Так, в скаутском лагере незнакомые друг с другом 14-летние подростки, оказавшись в одной группе в неопределенной ситуации, вырабатывали нормы, которые затем регулировали поведение в группе [27]. Это исследование в отечественной литературе едва ли анализируется вне логики межгрупповых отношений [1], хотя связь этих экспериментальных исследований не подлежит сомнению, ибо формирование группы и групповых норм является составной частью эксперимента по межгрупповым отношениям.

Экспериментальные работы С. Аша (S. Asch) [27] и С. Милграма (S. Milgram) [5] так или иначе встраиваются в линию исследования норм, однако если для М. Шерифа (M. Sherif) первостепенными были вопросы о том, что такое нормы, как они формируются и действуют, то для С. Аша (S. Asch) и С. Милграма (S. Milgram) вопрос заключался скорее в том, как люди следуют или сопротивляются нормам [27]. Подчеркнем, что исследовательская линия влияния норм и влияния группы получила некоторый новый поворот в исследованиях С. Милграма (S. Milgram), и на то имеется причина, связанная с конкретными историческими событиями Второй мировой войны — Холокостом в отношении еврейского населения [5].

Идеи М. Шерифа (M. Sherif) получили свое подтверждение и в рамках другой теоретической традиции — подхода социальной идентичности. Ситуация несогласия в группе между ее членами порождает неопределенность, ее преодоление предполагает согласие с групповыми нормами [17].

Предположение М. Шерифа (M. Sherif) о поиске структуры, так называемой системы отсчета, при выработке новых норм, о ее социальной природе также было продемонстрировано в рамках подхода социальной идентичности [7]. В исследовании, предпринятом Д. Абрамсом с коллегами на выборке студентов-психологов (144 девушек и юношей), где 6 респондентов (3 наивных и 3 конфедератов) участвовали в сериях по 25 предъявлений стимула, вызывающего автокинетический эффект, экспериментальная схема включала три условия. В контрольном условии (в случае имплицитной категоризации): респонденты перед тем, как дать свой ответ, называли номер своего места: наивные респонденты занимали места с 1 по 3, конфедераты — с 4 по 6. В условии эксплицитной категоризации: наивные респонденты и конфедераты принадлежали к разным категориям H и J (как и в контрольном условии, требовалось назвать категорию перед тем, как участник эксперимента озвучивал свой

ответ). Наконец, в условии усиленной категоризации респонденты играли в игру в двух командах перед участием в эксперименте; опять же — принадлежность к той или иной команде требовалось указать перед тем, как произнести свой ответ). С опорой на результаты исследований М. Шерифа (M. Sherif) [32] следует ожидать конвергенции оценок в пользу конфедератов во всех случаях. Подход социальной идентичности [35] предсказывает отсутствие конвергенции, так как наивные респонденты и конфедераты принадлежат к разным категориям эксплицитно или имплицитно, что и было получено. В условиях эксплицитной и усиленной категоризации конвергенция оценок наивных участников с оценками конфедератов не происходила. В контрольном случае наблюдалась незначительная конвергенция оценок наивных респондентов с оценками конфедератов, хотя и в этом условии наивные испытуемые искали объяснение разнице в оценках с конфедератами. Таким образом, выпуклость категоризации приводила к тому, что формировались две различных нормы внутри одного и того же неструктурированного контекста. Полученные результаты не только не отменяли ценности идей Шерифа (M. Sherif), наоборот — они только усилили логику, обнаруженную Шерифом (M. Sherif): в ситуации неопределенности люди ищут систему отсчета и используют категоризацию для формирования норм. Принадлежность к разным категориям объясняет существование разных норм, т. е. с большей вероятностью люди разделяют социальную реальность с теми, кто принадлежит к той же группе (категории), чем к разным категориям [7].

Утверждение М. Шерифа (M. Sherif) о том, что в ситуации неопределенности люди не поддаются хаосу, наоборот, структурируют ситуацию путем выработки общей системы отсчета — нормы [31], демонстрируется через призму подхода социальной идентичности в рамках модели, приложимой к явлению деиндивидуализации [4; 26]. Так, в ситуации деиндивидуализации действия человека подчиняются не персональной, а социальной идентичности, что обеспечивает подчинение ситуативным, групповым нормам, входящим, зачастую, в противоречие с общими социальными нормами [4; 26]. Именно эта идея объясняет поведение в интернет-пространстве, где происходит деиндивидуализация участника коммуникации: в результате он не утрачивает своей персональной идентичности, но его социальная идентичность оказывается более релевантным конструктом, преобладающим над персональной идентичностью [3; 4].

С исторической и методологической точек зрения, как отмечают Д. Абрамс (D. Abrams) и Дж. Ливайн (J. Levine), критика, сформулированная М. Шерифом относительно индивидуализма и редукционизма в социальной психологии, по сути, помогла сформулировать основополагающие постулаты подхода социальной идентичности [7; 35].

С. Московиси (S. Moscovici) использует методологию М. Шерифа (M. Sherif) в своих экспериментах в рамках теории влияния меньшинства, где задача

респондентов заключалась в оценке цвета послеобраза [23]. Идея Шерифа (M. Sherif) о том, что реальность является социальной конструкцией, не чужда и другой теории, предложенной С. Московиси (S. Moscovici), теории социальных представлений, призванной объяснить то, как люди, сталкиваясь в своей повседневной жизни с новым, неизвестным, пугающим объектом или явлением, вырабатывают объяснительные теории [22]. Очевидны аллюзии с логикой М. Шерифа (M. Sherif), к работам которого С. Московиси (S. Moscovici) обращается в своих трудах [24].

Примечательно, что две главные европейские традиции опираются на идеи М. Шерифа (M. Sherif), в то время как американская социальная психология, скорее, проигнорировала линию М. Шерифа (M. Sherif), группа оказалась на периферии научного интереса, предпочтение было отдано логике Ф. Олпорта (F. Allport), согласно которой группа не рассматривается как единица анализа, а трактуется, словами А. Пепитоун (A. Pepitone), всего лишь как «фасилитатор индивидуальных тенденций» [29, р. 60]. Когнитивные теории Ф. Хайдера (F. Heider) и Л. Фестингера (L. Festinger) не оставили места для воззрений Шерифа (M. Sherif) о нормах как ключевом объяснительном конструкте в социальной психологии [29]. Справедливости ради заметим, что нормы попадают в объяснительную логику теории причинного действия А. Айзена (A. Ajzen) и М. Фишбайна (M. Fishbein) [2], однако это использование норм в качестве конструкта отличается от изначальной линии анализа, где речь идет о формировании и изменении норм, об их функционировании.

Работы М. Шерифа (M. Sherif) явили собой критику индивидуализма в социальной психологии, групповые процессы анализировались на соответствующем — групповом — уровне без апелляции к интраиндивидуальным конструктам, ибо реальность группы отличается от реальности индивидов, которые ее образуют (что следует из логики гештальта, где целое не может быть сведено к сумме составляющих его частей) [29]. Сформулировав положения о природе и функционировании норм, он создал экспериментальную парадигму для проверки предположений. Для анализа поведения человека М. Шериф (M. Sherif) принимал во внимание более широкую социальную структуру [7]. Все это не потеряло своей актуальности и важности даже 85 лет спустя, после того, как М. Шериф (M. Sherif) познакомил научное сообщество с результатами своих исследований.

Нарушение норм: традиционная и альтернативная исследовательские линии

Исследование С. Шехтера (S. Schachter) представляет собой одну из первых экспериментальных работ, где в фокусе внимания оказалась реакция членов группы на девианта [30]. Экспериментальная схема выглядела следующим образом: на первом заседании членам разных студенческих клубов (по 8 групп для каждого из 4 типов

клуба, т. е. участники заседания являлись членами реальных групп, что и представляло, с точки зрения С. Шехтера (S. Schachter), особую ценность. О том, что групповые дискуссии были частью эксперимента участников проинформировали в процедуре дебрифинга [30]) предлагалось обсудить случай делинквентного подростка Джонни Рокко. Предлагалось решить, какую стратегию действий избрать в отношении подростка. В каждой группе в дискуссии участвовали 8—10 человек, трое из которых были помощниками экспериментатора, следовавшими трем разным инструкциям. В одном случае конфедерату предписывалось изначально занять полярную позицию по отношению к групповой, сменяя ее постепенно на модальную (что создавало впечатление изменения точки зрения); в другом случае конфедерат занимал изначально модальную позицию, наконец; третий конфедерат (с девиантной точкой зрения) должен был занять крайне отклоняющуюся позицию (по сравнению с групповой) и удерживать ее в течение всей дискуссии (продолжительностью в 45 минут). Так, большинство участников в каждой группе занимали позицию заботы и помощи подростку, в противоположность им девиантный конфедерат отстаивал позицию наказания подростка. Введение трех конфедератов, различающихся по своим задачам, объясняется необходимостью ответить на вопрос о том, как группа реагирует на конфедерата с девиантной позицией, которая сохраняется на протяжении всей групповой дискуссии [30].

После обсуждения члены клубов отвечали на ряд вопросов, касающихся дальнейшего взаимодействия в клубе (в реальности — это был постэкспериментальный опросник, в котором требовалось предложить кандидатуры членов клуба для работы в составе различных комитетов (запрещалось предлагать собственную кандидатуру, а также предлагать одну и ту же кандидатуру для работы в разных комитетах, различающихся по своей важности, с точки зрения деятельности клуба: наиболее престижный — исполнительный комитет, наименее престижный — комитет по работе с корреспонденцией), а также на вопросы социометрического толка (на основе которых вычислялся социометрический индекс отвержения). Оба показателя использовались для оценки степени отвержения конфедерата с девиантной позицией. Результаты эксперимента показали, что конфедерат с девиантной позицией был отвергаем группой в большей степени по сравнению с другими конфедератами. Девиант рассматривался как наименее желательный член клуба для последующего взаимодействия, в меньшей степени способный выполнять важные задания (этим объясняется стремление респондентов поручить ему наименее престижную работу, определяя его в комитет по работе с корреспонденцией) [30].

С теоретической точки зрения, в процессе дискуссии должно наблюдаться давление к единообразию (давление к изменению). Действительно, по мере развития дискуссии участники клуба пытались достичь единообразия, адресуя девиантному конфедерату свои реплики. В какой-то момент достигается пик комму-

никации, после которого участники дискуссии начинают игнорировать этого члена группы. В отношении конфедерата, который изменял свою позицию в процессе дискуссии, наблюдается следующая конфигурация коммуникации: интенсивность реплик, адресованных этому конфедерату, падает по мере того, как он меняет свою позицию. Этот факт опирается на одну и ту же логику — давление к единообразию в группе.

С опорой на данные Google Scholar, можно сказать, что эта работа была процитирована 2131 раз; как отмечает Е. Вессельман (E. Wesselmann) [28], социальных психологов увлекла идея дальнейшего изучения реакции отвержения девианта группой. Сам же эксперимент едва ли воспроизводился (в литературе можно обнаружить две модифицированные попытки, которые давали все ту же реакцию отвержения девианта) [28]. Вессельман (E. Wesselmann) с коллегами в точности воспроизвели эксперимент С. Шехтера (S. Schachter) 60 лет спустя [28]. В целом, были получены те же результаты, что и у С. Шехтера (S. Schachter) [30], однако, как отмечают авторы, с меньшим эффектом [28]. Исключение составил один любопытный факт: в эксперименте С. Шехтера (S. Schachter) девиант воспринимался как в наименьшей степени способный выполнять серьезную работу, респонденты предпочитали поручить ему наименее престижную работу (распределяли его в комитет по работе с корреспонденцией) [30]. Этого эффекта не наблюдалось в результатах недавнего исследования [28]. Объясняется ли этот факт тем, что респонденты С. Шехтера (S. Schachter) были убеждены в том, что они будут участвовать в последующих заседаниях клуба (так как это были реальные группы), в отличие от современных респондентов, для которых последующее взаимодействие было всего лишь возможным вариантом. Другое объяснение, которое выдвигают авторы, касается социетальных изменений, которые оборачиваются большей толерантностью к девиантным точкам зрения [28]. Необходимость последующих исследований очевидна; кроме того, как отмечают Вессельман (E. Wesselmann) с коллегами, требуется исследовать связь между девиацией и отвержением [28].

Анализ литературы позволяет Дж. Джеттен (J. Jetten) и М. Хорнсею (M. Hornsey) [20] различать две исследовательские линии, рассматривающие нарушение групповых норм — традиционную и современную (альтернативную). В рамках первой линии преимущественное внимание уделяется тому, что заставляет людей следовать нормам, в меньшей степени — тому, что способствует нарушению оных. Следование нормам рассматривается как позитивная сторона групповой жизни, нарушение же групповых норм, несогласие с ними позиционируются как негативная сторона групповой жизни [20]. В соответствии с этой логикой, нарушение норм воспринимается как препятствие на пути достижения целей группы, вызывает преимущественно негативную реакцию со стороны окружающих, ибо под угрозой оказывается групповая жизнедеятельность. Классическая линия исследования, включающая, в

первую очередь, работы С. Аша (S. Asch), демонстрирует, что конформность является действенной силой — те, кто не соглашается с группой рискуют быть исключенным из нее [20; 27]. Сами нарушители норм воспринимаются негативно, подвергаются стигматизации (это те самые «паршивые овцы», о которых гласит народная мудрость...), отвержению [16].

В силу того, что нарушение норм угрожает группе (появление нарушителей ведет к снижению идентификации с группой у других ее членов. Девианты угрожают мировоззрению остальных членов группы, порождают неопределенность; как следствие — под угрозой оказывается групповая сплоченность. В крайних проявлениях группа рискует не только оказаться на пороге междоусобного конфликта, но даже и раскола [11] и пр.), члены группы стремятся к отвержению нарушителей или их наказанию. Способы наказания могут быть имплицитными и эксплицитными: социальное исключение, сплетни, вербальное или физическое воздействие [12]. Выражение негативной реакции в отношении нарушителей может вызвать у последних желание следовать нормам [36].

Наряду с этим существуют эмпирические основания, свидетельствующие о том, что нарушители воспринимаются как могущественные, влиятельные, обладающие высоким статусом, ибо наблюдатель полагает, что такое поведение связано со свободой действовать так, как хочется [18]. Возможно, что именно это объясняет так называемую «самоусиливающуюся петлю»: когда нарушители норм кажутся могущественными, это провоцирует дальнейшее нарушение норм и укрепляет власть нарушителей [18].

Согласно альтернативному пониманию, нарушение норм наряду с инакомыслием является аспектом группового функционирования и не рассматривается как преимущественно темная сторона жизнедеятельности группы — это более сложное и многогранное явление [20]. Идею о том, что здоровое общество предполагает существование девиантов, находим еще в трудах Э. Дюркгейма [16].

Анализ работ за двадцатилетие (с начала 1990 годов) по проблеме нарушения групповых норм и инакомыслию, проведенный Дж. Джеттен (J. Jetten) и М. Хорнсею (M. Hornsey) [20], позволяет подвести основание для того, чтобы развести ряд мотивов, стоящих за этими явлениями: 1) нелояльность и неуважение (очевидно, что те, кто в меньшей степени привержен группе, в меньшей степени следует ее нормам); 2) лояльность и забота о группе (это своего рода конструктивная девиантность, когда нарушение норм обусловлено наилучшими побуждениями и заботой о группе); 3) нравственное бунтарство (люди отдадут предпочтение своим моральным принципам, которые противоречат групповым нормам); 4) желание выразить свои уникальность и отличие от других (желание следовать нормам и ценностям, идущим вразрез с общепринятыми, зачастую является реактивным сопротивлением на эксплицитное требование нормативного консенсуса);

5) инструментальная выгода от нарушения норм. Несложно заметить, что два мотива (лояльность и забота о группе, а также нравственное бунтарство) не являются разрушительными, наоборот, иллюстрируют конструктивную девиацию, которая может инициировать изменения позитивного толка; и проблема здесь, скорее, кроется в групповых особенностях, которые способствуют появлению такой девиации.

Каковы мотивы группы или ее членов для отвержения девиантного члена группы? Дж. Джеттен (J. Jetten) и М. Хорнсей (M. Hornsey) [20] предлагают говорить о том, что возникновение девиантов или инакомыслящих членов в группе рассматривается как фактор, угрожающий группе по ряду измерений и который необходимо устранить. Измерения угрозы таковы: позитивность группы (появление девианта ведет к снижению идентификации с группой, ибо группа теряет свою привлекательность), групповая сплоченность (столкновение крайне дивергентных взглядов в группе — это путь междоусобного конфликта, вплоть до раскола группы), психологическое отличие от других групп (поведение девиантов может быть более репрезентативным для чужой группы, чем для своей), достижение групповых целей (взаимодействие с девиантами негативным образом сказывается на достижении групповых целей. Например, для тех, кто в значительной степени идентифицируется с группой, взаимодействие с девиантным членом группы оборачивается ухудшением исполнения задач, требующих когнитивных ресурсов, ибо последние используются для того, чтобы дистанцироваться от девиантных членов группы [20]), образ себя (столкновение с моральным бунтарем оборачивается переживаниями ревности и обиды).

Представляется возможным говорить о том, что нарушение норм не всегда является разрушительным [20; 36], как ни парадоксально, оно может вести к положительному исходу. Присутствие девиантов в группе позволяет остальным членам группы отразить групповые нормы, задуматься над групповыми границами, усилить сплоченность [16; 20].

С. Московиси (S. Moscovici) в своей теории влияния меньшинства отмечает, что без девиантности невозможно социальное изменение, ибо действия меньшинства, сопряженные с нарушением норм, инициацией конфликта, по сути, и открывают путь к социальным изменениям [23]. Опять же, эта логика переключается с тем, что говорит М. Шериф (M. Sherif): «... отход от устоявшихся, привычных или ожидаемых способов поведения является характерной чертой исторических изменений человечества» [16, p. 221].

К. Соммер (C. Sommer) иллюстрирует это на примере из мира моды, где активное меньшинство нарушает нормы, что, в итоге, приводит к эстетическим изменениям [33]. То, что было на периферии, что воспринималось как маргинальное, отрицается большинством, постепенно становится частью основного потока, задает тон.

Ощутимые позитивные исходы от нарушения групповых норм можно заметить и в случае группомыслия

[19]. По определению И. Джаниса (I. Janis), группомыслие — это: «... стиль мышления людей, которые полностью включены в единую группу, в этой группе стремление к единомыслию важнее, чем реалистическая оценка возможных вариантов действий» [19, р. 237]. Возникновение этого феномена в группах высокопоставленных политиков обернулось принятием неудачных политических решений: неготовность военно-морской базы Перл-Харбор к атакам японской авиации в декабре 1941 г., участие американских войск в Корейской войне в 1950 г., военная операция в заливе Свиней в 1961 г. и др. [19]. Улучшению качества решения, как отмечает И. Джанис (I. Janis), способствует позиция инакомыслия, заключающаяся в использовании стратегии «адвоката дьявола» [19]. Можно полагать, что нарушение групповых норм в высокоступенчатой группе препятствует принятию ошибочного решения.

Другой аргумент в пользу того, что в нарушении групповых норм кроются позитивные аспекты, связан с ситуациями, когда нормативным является антисоциальное поведение. Агрессивные нормы, действующие в школьном классе, позволяют прогнозировать возникновение жестоких действий в группе, которые при всей своей антисоциальности являются нормативными для этой группы школьников. Сходным образом нормы конкуренции и достижения, принятые в престижных учебных заведениях (в противоположность кооперативным нормам), коррелируют с уровнем буллинга [34]. Отсюда, нарушение норм, несомненно, может быть рассмотрено как более сложное явление, имеющее позитивные последствия; в данном случае оно препятствует жестоким поступкам и актам насилия.

Заключение

Итак, предприняв теоретико-аналитическое исследование, мы достигли заявленной цели, заключающейся в анализе классических и современных социально-психологических исследований по проблеме норм и их нарушения. С одной стороны, был рассмотрен эвристический потенциал идей М. Шерифа (M. Sherif) для объяснения процессов взаимодействия и общения в современном мире, с учетом того, что эти процессы взаимодействия и общения в значительной степени опосредствованы техническими средствами и представители подростково-молодежной среды в наибольшей степени используют новые социальные медиа в своей повседневной жизни [14]. С другой стороны,

идеи М. Шерифа обозначили в общих чертах специфику классического и современного понимания такого сложного явления, как нарушение норм.

Представляется возможным обозначить несколько вопросов, рассмотрение которых способствовало бы продвижению в данной предметной области в соответствии с логикой, сформулированной М. Шерифом (M. Sherif). Во-первых, в современном мире с его экспоненциальным ростом показателей использования новых социальных медиа [10] общение в значительной степени переносится из реального мира в виртуальный, а сам процесс претерпевает изменения — по сравнению с тем, что разворачивается в реальной ситуации: предполагается равенство участников этого процесса; модифицировалось понимание того, где проходит граница между публичной и частной сферами; нормы, призванные регламентировать взаимодействие участников, трансформировались [21]. Отсюда закономерно внимание к специфике формирования и действия норм во взаимодействии, опосредствованном технологиями. С другой стороны, представляется возможным говорить о том, что ситуация взаимодействия в интернет-пространстве характеризуется в значительной степени неопределенностью [3; 4]. Отсюда — для понимания того, как будут действовать участники этого взаимодействия, применима логика экспериментов М. Шерифа (M. Sherif), ибо неопределенность способствует установлению норм: вырабатывается общее понимание того, что допустимо и что таковым не является. Используя логику М. Шерифа (M. Sherif), все это требуется для ориентации индивидов и стабилизации их поведения [4; 27]. Еще раз подчеркнем: в ситуации неопределенности, которая характеризует общение в Интернете, пользователи ориентируются на ситуативные нормы, которые зачастую вступают в противоречие с общими социальными нормами.

Во-вторых, Шериф (M. Sherif) указывал на то, что нормы имеют свою специфику в разных культурах. В настоящий момент можно констатировать, что львиная доля исследований выполнены в западной культуре [36]. Призма рассмотрения, апеллирующая к культурным особенностям группы, любопытна и в отношении нарушения норм. Недавнее кросс-культурное исследование, направленное на анализ того, как в разных культурах воспринимается нарушение норм, реализованное в 57 странах — одно из редких исключений [25].

Наконец, в отношении нарушения норм, вслед за Е. Вессельманом [28], отметим, что вопрос о связи между девиацией и отвержением по-прежнему привлекателен для изучения.

Литература

1. Андреева Г.М. Социальная психология: учебник для высших учебных заведений [Электронный ресурс]. М.: Аспект пресс, 2017. 363 с. URL: https://biblioclub.ru/index.php?page=book_red&id=104416 (дата обращения: 20.09.2021).
2. Бовина И.Б. Социально-психологический подход к проблемам здоровья и болезни // Руководство по психологии здоровья / Под ред. А.Ш. Тхостова, Е.И. Рассказовой. Москва: Издательство Московского университета, 2019. С. 237—293.

3. Бовина И.Б., Дворянчиков Н.В. Поведение онлайн и офлайн: две реальности или одна? // Психологическая наука и образование. 2020. Том 25. № 3. С. 101—115. DOI:10.17759/pse.2020250309
4. Бовина И.Б., Дворянчиков Н.В. Поведение онлайн и офлайн: к вопросу о возможности прогноза // Культурно-историческая психология. 2020. Том 16. № 4. С. 98—108. DOI:10.17759/chp.2020160410
5. Милграм С. Подчинение авторитету. М.: АНФ, 2016. 282 с.
6. Яров С. Блокадная этика. Представления о морали в Ленинграде 1941—1942 гг. [Электронный ресурс]. М.: Центрополиграф, 2013. 603 с. URL: <https://books.google.ru/books?id=QwYt9ZDWjU8C&lpg=PP1&hl=ru&pg=PP1#v=onepage&q&f=false> (дата обращения: 20.09.2021).
7. Abrams D., Levine M. Norm formation: Revisiting Sherif's autokinetic illusion study / Ed. J.R. Smith, S.A. Haslam [Электронный ресурс] // Social psychology: Revisiting the classic studies / Eds. J.R. Smith, A. Haslam. Sage Publications Ltd, 2017. P. 58—75. URL: <https://books.google.ru/books?id=uE96DgAAQBAJ&lpg=PP1&hl=ru&pg=PA58#v=onepage&q&f=false> (дата обращения: 20.09.2021).
8. Brauer M., Chaurand N. Descriptive norms, prescriptive norms, and social control: An intercultural comparison of people's reactions to uncivil behaviors // European Journal of Social Psychology. 2010. Vol. 40. № 3. P. 490—499. DOI:10.1002/ejsp.640
9. Cialdini R.B., Trost M.R. Social influence: Social norms, conformity and compliance // The handbook of social psychology / Eds. D.T. Gilbert, S.T. Fiske, G. Lindzey. New York: McGraw-Hill, 1998. P. 151—192.
10. Digital in 2020 [Электронный ресурс] // We Are Social Inc. 2020. URL: <https://wearesocial.com/digital-2020> (дата обращения: 02.08.2021).
11. Ditrich L., Sassenberg K. It's either you or me! Impact of deviations on social exclusion and leaving // Group Processes and Intergroup Relations. 2016. Vol. 19. P. 630—652. DOI:10.1177/1368430216638533
12. Direct and indirect punishment of norm violations in daily life / C. Molho [et al.] // Nature Communication. 2020. Vol. 11. 9 p. DOI:10.1038/s41467-020-17286-2
13. Dubois N. Introduction: the concept of norm // A sociocognitive approach to norms / Ed. N. Dubois. London: Routledge, 2003. P. 1—16.
14. EU Kids Online 2020: Survey results from 19 countries / D. Smahel [et al.]. EU Kids Online, 2020. 156 p. DOI:10.21953/lse.47fdeqj01ofo
15. Gelfand M.J., Harrington J.R., Jackson J.C. The Strength of Social Norms Across Human Groups // Perspective of Psychological Science. 2017. Vol. 12. № 5. P. 800—809. DOI:10.1177/1745691617708631
16. Gomila R., Paluck E.L. The social and psychological characteristics of norm deviants: A field study in a small cohesive university campus // Journal of Social and Political Psychology. 2020. Vol. 8. № 1. P. 220—245. DOI:10.5964/jspp.v8i1.1134
17. Hogg M.A. Uncertain Self in a Changing World: A Foundation for Radicalisation, Populism, and Autocratic Leadership // European Review of Social Psychology. 2020. 34 p. DOI:10.1080/10463283.2020.1827628
18. How norm violators rise and fall in the eyes of others: The role of sanctions/ F. Wanders [et al.] // PLoS ONE. 2021. Vol. 16. № 7. Article ID e0254574. — 17 p. DOI:10.1371/journal.pone.0254574
19. Janis I. Groupthink // A First Look at Communication Theory / Ed. E. Griffin. New York: McGrawHill, 1991. P. 235—246.
20. Jetten J., Hornsey M. J. Deviance and dissent in groups // Annual review of psychology. 2014. Vol. 65. P. 461—485. DOI:10.1146/annurev-psych-010213-115151
21. Marzouki Y. La conscience collective virtuelle: un nouveau paradigme des comportements collectifs en ligne // Les représentations sociales. Théories, méthodes et applications / Eds. G. Lo Monaco, S. Delouée, P. Rateau. Louvain-la-Neuve: De Boeck Supérieur, 2016. P. 413—415.
22. Moliner P., Bovina I.B. Introduction: The Heuristic Value of Social Representations Theory // RUDN Journal of Psychology and Pedagogics. 2021. Vol. 18. № 2. P. 291—298. DOI:10.22363/2313-1683-2021-18-2-291-298
23. Moscovici S. Psychologie des minorités actives. Paris: Les Presses universitaires de France, 1991. 275 p.
24. Moscovici S. Why a theory of social representations? [Электронный ресурс] // Representations of the social: bridging theoretical traditions / Eds. K. Deaux, G. Philog ne. Oxford: Blackwell Publishers, 2001. P. 18—61. URL: researchgate.net/publication/272622065_Why_a_theory_of_social_representations (дата обращения: 02.08.2021).
25. Perceptions of the appropriate response to norm violation in 57 societies / K. Eriksson [et al.] // Nature Communication. 2021. Vol. 12. Article ID 1481. 11 p. DOI:10.1038/s41467-021-21602-9
26. Postmes T., Spears R. Deindividuation and antinormative behavior: a meta-analysis // Psychological Bulletin. 1998. Vol. 123. № 3. P. 238—259. DOI:10.1037/0033-2909.123.3.2381998
27. Prislin R., Crano W. A history of social influence research [Электронный ресурс] // The Handbook of the History of Social Psychology / Eds. A. Kruglanski, W. Stroebe. New York, NY: Psychology Press, 2012. P. 321—339. URL: <https://books.google.ru/books?id=vS0QrvMGwhMC&lpg=PP1&hl=ru&pg=PA321#v=onepage&q&f=false> (дата обращения: 02.08.2021).
28. Revisiting Schachter's Research on Rejection, Deviance, and Communication (1951) / E.D. Wesselmann [et al.] // Social Psychology. 2014. Vol. 45. № 3. P. 164—169. DOI:10.1027/1864-9335/a000180

29. Sarup G. Sherif's metatheory and contemporary social psychology // *Social Judgment and Intergroup Relations* / Eds. D. Granberg, G. Sarup. New York: Springer, 1992. P. 55—73. DOI:10.1007/978-1-4612-2860-8_2
30. Schachter S. Deviation, rejection, and communication // *Journal of Abnormal and Social Psychology*. 1951. Vol. 46. № 2. P. 190—207. DOI:10.1037/h0062326
31. Sherif M. A study of some social factors in perception // *Archives of Psychology*. 1935. 60 p.
32. Sherif M. The psychology of social norms. New York: Harper, 1936. 210 p.
33. Sommer C.M. Minority Influence and Fashion. The Model of Style Transformation [Электронный ресурс] // Hommage — Serge Moscovici: Rencontres de l'European Association of Social Psychology organisées avec le soutien de l'IEA de Paris / Institut D'études Avancées de Paris. Paris, 2016. URL: <http://www.paris-iea.fr/en/videos-list/hommage-a-serge-moscovici-8118> (дата обращения: 02.08.2021).
34. The influence of norms and social identities on children's responses to bullying / S.E. Jones [et al.] // *British journal of educational psychology*. 2012. Vol. 82. № 2. P. 241—256. DOI:10.1111/j.2044-8279.2011.02023.x
35. The new psychology of health / C. Haslam [et al.]. London: Routledge, 2018. 510 p. DOI:10.4324/9781315648569
36. van Kleef G., Gelfand M., Jetten J. The dynamic nature of social norms: new perspectives on norm development, impact, violation, and enforcement // *Journal of Experimental Social Psychology*. 2019. Vol. 84. 5 p. DOI:10.1016/j.jesp.2019.05.002

References

1. Andreeva G.M. Sotsial'naya psikhologiya: uchebnik dlya vysshikh uchebnykh zavedenii [Social psychology: a textbook for higher educational institutions] [Elektronnyi resurs]. Moscow: Aspekt press, 2017. 363 p. URL: https://biblioclub.ru/index.php?page=book_red&id=104416 (Accessed 20.09.2021). (In Russ.).
2. Bovina I.B. Sotsial'no-psikhologicheskii podkhod k problemam zdorov'ya i bolezni [Socio-psychological approach to health and disease problems]. In Tkhostova A.Sh., Rasskazovoi E.I. (eds.), *Rukovodstvo po psikhologii zdorov'ya = [Guide to health psychology]*. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 2019, pp. 237—293. (In Russ.).
3. Bovina I.B., Dvoryanchikov N.V. Povedenie onlain i oflain: dve real'nosti ili odna? [Online and Offline Behavior: Two Realities or One?]. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie = Psychological Science and Education*, 2020. Vol. 25, no. 3, pp. 101—115. DOI:10.17759/pse.2020250309 (In Russ.).
4. Bovina I.B., Dvoryanchikov N.V. Povedenie onlain i oflain: k voprosu o vozmozhnosti prognoza [Online and Offline Behavior: Does One Predict Another?]. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya = Cultural-Historical Psychology*, 2020. Vol. 16, no. 4, pp. 98—108. DOI:10.17759/chp.2020160410 (In Russ.).
5. Milgram S. Podchinenie avtoritetu [Submission to authority]. Moscow: ANF, 2016. 282 p. (In Russ.).
6. Yarov S. Blokadnaya etika. Predstavleniya o morali v Leningrade 1941—1942 gg. [Elektronnyi resurs] [Blockade ethics. Ideas about morality in Leningrad 1941—1942]. Moscow: Tsentropoligraf, 2013. 603 p. URL: <https://books.google.ru/books?id=QwYt9ZDWjU8C&lpg=PP1&hl=ru&pg=PP1#v=onepage&q&f=false> (Accessed 20.09.2021). (In Russ.).
7. Abrams D., Levine M. Norm formation: Revisiting Sherif's autokinetic illusion study / Ed. J.R. Smith, S.A. Haslam [Elektronnyi resurs]. In Smith J.R., Haslam A. (eds.), *Social psychology: Revisiting the classic studies*. Sage Publications Ltd, 2017, pp. 57—75. URL: <https://books.google.ru/books?id=uE96DgAAQBAJ&lpg=PP1&hl=ru&pg=PA58#v=onepage&q&f=false> (Accessed 20.09.2021).
8. Brauer M., Chaurand N. Descriptive norms, prescriptive norms, and social control: An intercultural comparison of people's reactions to uncivil behaviors. *European Journal of Social Psychology*, 2010. Vol. 40, no. 3. pp. 490—499. DOI:10.1002/ejsp.640
9. Cialdini R.B., Trost M.R. Social influence: Social norms, conformity and compliance. In Gilbert D.T., Fiske S.T., Lindzey G. (eds.), *The handbook of social psychology*. New York: McGraw-Hill, 1998, pp. 151—192.
10. Digital in 2020 [Elektronnyi resurs]. *We Are Social Inc*. 2020. URL: <https://wearesocial.com/digital-2020> (Accessed 02.08.2021).
11. Ditrich L., Sassenberg K. It's either you or me! Impact of deviations on social exclusion and leaving. *Group Processes and Intergroup Relations*, 2016. Vol. 19, pp. 630—652. DOI:10.1177/1368430216638533
12. Molho C. et al. Direct and indirect punishment of norm violations in daily life. *Nature Communication*, 2020. Vol. 11, 9 p. DOI:10.1038/s41467-020-17286-2
13. Dubois N. Introduction: the concept of norm. In Dubois N. (ed.), *A sociocognitive approach to norms*. London: Routledge, 2003, pp. 1—16.
14. Smahel D. et al. EU Kids Online 2020: Survey results from 19 countries. *EU Kids Online*, 2020. 156 p. DOI:10.21953/lse.47fdeqj01ofo
15. Gelfand M.J., Harrington J.R., Jackson J.C. The Strength of Social Norms Across Human Groups. *Perspective of Psychological Science*, 2017. Vol. 12, no. 5, pp. 800—809. DOI:10.1177/1745691617708631
16. Gomila R., Paluck E.L. The social and psychological characteristics of norm deviants: A field study in a small cohesive university campus. *Journal of Social and Political Psychology*, 2020. Vol. 8, no. 1, pp. 220—245. DOI:10.5964/jspp.v8i1.1134
17. Hogg M.A. Uncertain Self in a Changing World: A Foundation for Radicalisation, Populism, and Autocratic Leadership. *European Review of Social Psychology*, 2020. 34 p. DOI:10.1080/10463283.2020.1827628

18. Wanders F. et al. How norm violators rise and fall in the eyes of others: The role of sanctions. *PLoS ONE*, 2021. Vol. 16, no. 7, 17 p. DOI:10.1371/journal.pone.0254574
19. Janis I. Groupthink. In Griffin E. (ed.), *A First Look at Communication Theory*. New York: McGrawHill, 1991, pp. 235—246.
20. Jetten J., Hornsey M. J. Deviance and dissent in groups. *Annual review of psychology*, 2014. Vol. 65, pp. 461—485. DOI:10.1146/annurev-psych-010213-115151
21. Marzouki Y. La conscience collective virtuelle: un nouveau paradigme des comportements collectifs en ligne. In Lo Monaco G., Delouée S., Rateau P. (eds.), *Les représentations sociales. Théories, méthodes et applications*. Louvain-la-Neuve: De Boeck Supérieur, 2016, pp. 413—415.
22. Moliner P., Bovina I.B. Introduction: The Heuristic Value of Social Representations Theory. *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*, 2021. Vol. 18, no. 2, pp. 291—298. DOI:10.22363/2313-1683-2021-18-2-291-298
23. Moscovici S. *Psychologie des minorités actives*. Paris: Les Presses universitaires de France, 1991. 275 p.
24. Moscovici S. Why a theory of social representations? [Elektronnyi resurs]. In Deaux K., Philogène G. (eds.), *Representations of the social: bridging theoretical traditions*. Oxford: Blackwell Publishers, 2001, pp. 18—61. URL: [researchgate.net/publication/272622065_Why_a_theory_of_social_representations](https://www.researchgate.net/publication/272622065_Why_a_theory_of_social_representations) (Accessed 02.08.2021).
25. Eriksson K. et al. Perceptions of the appropriate response to norm violation in 57 societies. *Nature Communication*, 2021. Vol. 12, article ID 1481, 11 p. DOI:10.1038/s41467-021-21602-9
26. Postmes T., Spears R. Deindividuation and antinormative behavior: a meta-analysis. *Psychological Bulletin*, 1998. Vol. 123, no. 3, pp. 238—259. DOI:10.1037/0033-2909.123.3.2381998
27. Prislín R., Crano W. A history of social influence research [Elektronnyi resurs]. In Kruglanski A., Stroebe W. (eds.), *The Handbook of the History of Social Psychology*. New York, NY: Psychology Press, 2012, pp. 321—339. URL: <https://books.google.ru/books?id=vS0QrvMGwhMC&lpq=PP1&hl=ru&pg=PA321#v=onepage&q&f=false> (Accessed 02.08.2021).
28. Wesselmann E.D. et al. Revisiting Schachter's Research on Rejection, Deviance, and Communication (1951). *Social Psychology*, 2014. Vol. 45, no. 3, pp. 164—169. DOI:10.1027/1864-9335/a000180
29. Sarup G. Sherif's metatheory and contemporary social psychology. In Granberg D., Sarup G. (eds.), *Social Judgment and Intergroup Relations*. New York: Springer, 1992, pp. 55—73. DOI:10.1007/978-1-4612-2860-8_2
30. Schachter S. Deviation, rejection, and communication. *Journal of Abnormal and Social Psychology*, 1951. Vol. 46, no. 2, pp. 190—207. DOI:10.1037/h0062326
31. Sherif M. A study of some social factors in perception. *Archives of Psychology*, 1935. 60 p.
32. Sherif M. *The psychology of social norms*. New York: Harper, 1936. 210 p.
33. Sommer C.M. Minority Influence and Fashion. The Model of Style Transformation. [Elektronnyi resurs]. Institut D'études Avancées de Paris. Paris. *Hommage — Serge Moscovici: Rencontres de l'European Association of Social Psychology organisées avec le soutien de l'IEA de Paris*. Paris, 2016. URL: <http://www.paris-iea.fr/en/videos-list/hommage-a-serge-moscovici-8118> (Accessed 02.08.2021).
34. Jones S.E. et al. The influence of norms and social identities on children's responses to bullying. *British journal of educational psychology*, 2012. Vol. 82, no. 2, pp. 241—256. DOI:10.1111/j.2044-8279.2011.02023.x
35. Haslam C. et al. *The new psychology of health*. London: Routledge, 2018. 510 p. DOI:10.4324/9781315648569
36. van Kleef G., Gelfand M., Jetten J. The dynamic nature of social norms: new perspectives on norm development, impact, violation, and enforcement. *Journal of Experimental Social Psychology*, 2019. Vol. 84, 5 p. DOI:10.1016/j.jesp.2019.05.002

Информация об авторах

Бовина Инна Борисовна, доктор психологических наук, профессор кафедры клинической и судебной психологии, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9497-6199>, e-mail: innabovina@yandex.ru

Бовин Борис Георгиевич, кандидат психологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний России (ФКУ НИИ ФСИН России), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9255-7372>, e-mail: bovinbg@yandex.ru

Information about the authors

Inna B. Bovina, PhD in Psychology, Research Director, Associate Professor, Department of Clinical and Legal Psychology, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9497-6199>, e-mail: innabovina@yandex.ru

Boris G. Bovin, PhD in Psychology, Associate Professor, Leading researcher, Research Institute of the Federal Penitentiary Service of the Russian Federation, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9255-7372>, e-mail: bovinbg@yandex.ru

Получена 01.08.2021

Received 01.08.2021

Принята в печать 19.09.21

Accepted 19.09.21